

Александр Любимов — человек общественный и о своей частной жизни говорить отказывается наотрез... Удивительно, но факт — со времени создания в 93-м году на страницах "МК" рубрики "ТелеГазеты" он впервые согласился на интервью. Оказывается, у него были весьма веские поводы. После событий октября 93-го года Любимов разошелся с "МК" по личному и идеологическому вопросу. С другой стороны, когда в 93-м году здание нашей редакции обстреляли, может быть, именно помощь ТВ спасла журналистов "МК" от расправы. Мы позвонили на ТВ именно Любимову (больше помощи было искать негде) — сообщение о штурме прошло в экстренном выпуске "Новостей", а спустя минуты на помощь нашей охране пришел ОМОН.

Воспоминаниям о бурных годах перестройки, о юноше с горящими глазами, ведущем "Взгляд", еще так свежо, и на тебе — "Взгляду" исполняется 10 лет, а перед нами живой классик (это в тридцать-то лет!) отечественного ТВ. Цинизм современной жизни почти не сказывается на нем. "Новая русскость" не интересует. Герой нашего времени, да и только. А что, кроме шуток, — почему бы герою нашего времени не выйти именно из ТВ-среды? Тем более что пока другие виды искусства в упадке, политика и ТВ процветают как никогда.

— Я не политик, я занимаюсь вещами, которые близки и понятны мне. Был период борьбы с режимом, который закончился в августе-91. Был период попыток устроить демократические отношения между прессой и властью, закончившийся в октябре-93. После этого все знают: мы живем не в демократическом государстве. Теперь я могу лишь констатировать, фиксировать зло в обществе. При том, что государства у нас нет. Более значимая задача для меня в этих условиях — искать свой духовный путь. Нужно найти ответ на вопрос — куда мы вообще движемся в человеческом, духовном плане. Сегодня еще не все заработали деньги — и к ним повышенный интерес. А лет через 20, когда деньги будут, как в Европе, почти у всех — что тогда? Для чего все это?

Этой тирадой Александр задал тон, уровень нашей беседы и опускаться ниже уже не желал. Быть стратегом всегда благодарнее, предпочтительнее, чем суетиться на тактических вопросах. Суета сует Любимова явно не занимает.

— Какую должность ты занимаешь в ВИДе?

— Да я не знаю, директор, наверное. У нас все решения принимаются вместе. Сейчас наше АОЗТ перерегистрируется в ЗАО, так что вообще ничего непонятно... По идее, за звук отвечаю я, а за картинку — Андрей Разбаш.

— За картинку на ТВ отвечать как-то почетнее...

— Андрей — это талант, ему и карты в руки.
— А каков образ жизни Александра Любимова образца 96-го года?

— Нормальный. Вот в театре недавно был — на премьере в Ленком. Спектакль с Караченцовым и Калягиным, называется "Чешское фото". Очень тонкая и свежая вещь про "новых русских". Караченцов играет фотографа, который в 1968 году отправил в Чехословакию на конкурс свое фото с обнаженной девушкой и стал лауреатом. За что был арестован. А его друг Калягин тогда открутился, стал "новым русским" и преуспел.

— И ты веришь в эти сказки...

— Жизнь вообще сказка.

Отфутболивая таким образом все "мелкие" вопросы, Александр более охотно отвечал на общие.

— Почему ты так прикипел к ТВ?

— Мне нравится, что здесь прозрачные, понятные и при этом жесткие отношения. Занимаясь этим родом деятельности, очень трудно косить... Чтобы ни говорили в человеческом плане, если разобраться — нормальные отношения. Хотя поначалу я тоже был шокирован и до сих пор мысленно сравниваю "Останкино" с мини-Освенцимом. Но когда сам становишься частью этого Освенцима, то просто выполняешь роль узника совести и любви к этому делу.

— Что изменилось для тебя с воцарением ОРТ на Первом канале?

— Отношения между каналом и ВИДом стали более четкими. Много проблем, но нет той каши, как раньше, когда вообще ничего не было понятно. Где-то взаимоотношения ОРТ и ВИДа складываются хорошо, где-то — плохо. В большом бизнесе не бывает везде хорошо.

— Почему так плохо складываются твои взаимоотношения со многими газетами?

— А как еще? Я встречаюсь с главным редактором очередного издания и говорю — вы творите зло и делаете плохо хорошим людям (речь идет о вдове Листьева. — Э.Н.). После этого мои слова интерпретируются в пошлой форме, принятой сегодня. Глубина человеческих отношений, конфликтов преподносится примитивно тускло и скучно.

— Тебе приписывают такие слова, как "все рассуждения о свободе журналистики — блеф". Журналисты так или иначе обслуживают какую-то структуру, которая более-менее близка по убеждению.

— Я никогда так конкретно не выражался. Свобода и несвобода, грех и добродетель — мы относимся к этому в зависимости от того, как нам

ДОЛЖНОСТЬ: АЛЕКСАНДР ЛЮБИМОВ

“Взгляд” без других

это нравится. Все эти слова — перевертыши. Любые истины — перевертыши. Вопрос не в понятиях, а в нюансах. Нюансы таковы, что те журналисты, кто воспринимает свою профессию как дарованную свыше возможность самовыражаться, для общества опасны. У нас есть, к счастью и к сожалению, хороший закон о печати, который дает журналисту большую свободу безответственности, которой он дестабилизирует спокойствие общества, и без того весьма хрупкое. Любое общество имеет смысл, пока люди в нем желают сосуществовать. Если не желают — они не работают, не заключают контрактов, не ходят на выборы, а начинают убивать друг друга. Общество, где не ценится честь, достоинство человека, не имеет никакой перспективы.

— И поэтому вы в ВИДе приняли свой кодекс чести журналистов.

— Да. Мы хотим создавать мир вокруг себя таким, каким он нам нравится.

— То, как в 93-м году газеты освещали события, тебе не понравилось?

— Я никого не осуждаю. Но мы должны нести ответственность за происходящее в стране. В 93-м году газеты пошли на поводу у власти. Они кричали: надо давить красно-коричневую сволочь.

— Судьба коллег по "Взгляду" не столь успешна, как твоя.

— Из тех, кто начинал "Взгляд", кто захотел — остались вместе. Дима Захаров — замкнутый человек, ему всегда больше нравилось одному. Когда мы делали ВИД, он создал свою компанию на Втором канале. У Сережи Ломакина была непростая история в политике, преувеличенная СМИ и политической элитой. С Муксеевым — известная история, которую он сам создал и до сих пор в ней живет. У меня была попытка с ним встретиться, но я же не могу заниматься воспитанием взрослых людей. Ничего плохого о нем сказать не могу, он талантливый журналист, который теряет свой талант. То ли из-за ненависти к ВИДу, то ли еще к кому-то. С Политковским мы вместе работаем. Он ведет важный, на мой взгляд, проект на Шестом канале. Да, раз в две недели, да, неприятная работа, но и "Взгляд" сегодня менее стремителен, чем раньше. У нас есть молодые, эффективные программы типа "Скандалов недели". Мы стали старше и смотрим дальше. Нас занимают

иные темы.

— Например?

— Почему в России так не любят москвичей? Все губернаторы называют Москву городом юродивых — мне это неприятно. Я понимаю, почему они так говорят. Их боль понятна: деньги ниоткуда не берутся — у кого-то их забирают... Однако, например, я не играю в казино и не пью каждый вечер водку в дорогих ресторанах.

— Каковы отношения между основателями ВИДа, ведь вы на ТВ вместе уже почти десять лет?

— Сначала мы товарищи, а потом уже бизнесмены и ТВ-работники. Как бы ничего не изменилось. О Владе говорить здесь не будем — это тема отдельного разговора — более масштабного и очень чистого...

— С каким настроением ты делаешь сегодня "Взгляд"?

— Для меня это самый важный проект. В ближайшее время мы будем его очень сильно менять. Разворачивать в сторону следующего поколения — все же прошло десять лет.

— Поварившись на политической кухне, ты не стал презирать конкретных политиков?

— Никогда у меня не было к политикам презрения. Есть презрение к отсутствию политики. К неспособности нынешнего клана власти создать политику. А к людям нет. Многие из них делают важное дело.

— Во главе программы "Один на один" тебя сравнивают с провокатором.

— Я ничего не провоцирую. Я такой, какой я есть. Мне нравится смотреть и другие передачи. Я поддерживаю эмоции этого зрелища, которое привлекает своей скоростью.

— Правда ли, что ВИДу угрожает вытеснение с Первого канала?

— Ничего особенного не угрожает, так, локальные коллизии. Мы делаем программы, их у нас приобретают, и все. К тому же в любой момент я готов начать все с самого начала.

— Тебе страшно жить в России?

— Нет. Мне здесь хорошо. Нормально. Россия живет чувством. Это некоторое эмоционально-заряженное пространство, без которого мне будет скучно.

Элина НИКОЛАЕВА.

